

Мандаринки

Владимир МАЛАЩЕНКО

Рисунки Лады ГЛУХОВОЙ

КОГДА-ТО РАНЬШЕ Я СЧИТАЛ, что если ты охотник, то обязательно универсал, и какая тебе разница, кого промыслить — медведя, утку, выдру или гуся. Обычно так оно и есть. Но, как выяснилось, в охотничьем ряду есть отдельная каста полевых (болотных) промысловиков, считающих себя элитной прослойкой и истинными ценителями охотничьих прелестей.

Ждут с нетерпением они открытия сезона. На особом режиме питания содержат подсадных уток — главное орудие промысла. Возьмется днями с собаками, бесконечно спорят о преимуществах собственных дрессировочных методов. Уточняют календари (оказывается, есть и такие) пролетов гусей и уток различных пород, тяги вальдшнепов и кроншнепов, изучают расписание утренних и вечерних «песен» бекасов.

К началу сезона берут на десять-двадцать дней отпуск за свой счет и сутками бродят в болотных сапогах за своими трофеями, сооружая засидки из хвоста или травы в камышах, в облюбованных местах, по пути примечая озера и проточки для будущих летних рыбалок. Бывает, что много метров ползком, по раскисшей от талой воды земле, по резухе-траве и болотистым марям, мокрые и продрогшие, скрадывают они своего чирка, нырка или другого какого селезня. Как в последний момент не закрылся до конца замок ружья, а по сему не сработал затвор, или на мушку присядет отдохнуть какая-нибудь по-весеннему слабенькая еще козявка-малышка, распустив для прогрева на солнышке свои крылышки, а потому стрелять порой приходится, целясь по стволам, в принципе в «молоко», и как после такого дуплета, с восторгом и юмором рассказывают они, перепуганная до смерти птица с криком и шумом улетывает вершить свои земные дела.

С каким упоением и азартом потом у костра рассказывают они о дневных своих приключениях... Другой добудет маленькую утку — смотреть-то не на что! — может, погибшую и не от выстрела вовсе, а от разрыва сердца, а рассказам о том, как ее добирал, что при этом испытывал и чувствовал, позавидует любой зверобой.

Уверяют они, что интереснее этой охоты нет ничего во всем белом свете. Только на такой охоте и приро-

ды мир познаешь, и сам духовно и физически совершенствуешься.

Действительно, бродя за птицами по болоту в поисках открытого зеркала воды, на которое, быть может, решит приводниться пролетающая стайка уток или гусей, так бывало натренируешься, что руками и ногами к вечеру едва двигаешь, порой ничего не добудешь, а устанешь, как рыбак на сайровой путине.

Другое дело, когда подфартит и перед твоими глазами в твою лужицу вдруг плюхнется пара-другая уток, тех, что в Красной книге обозначены. Про усталость здесь и ружье забываешь, дыхание затаиваешь и, замерев, во все глаза смотришь на это чудо природы — пернатую радугу. Уточка — маленькая, серенькая, особо в глаза не бросается, но все у нее, как у изящной девушки, точеное и привлекательное. Селезень — это щеголь, пришедший к вам из космической сказки или, наверное, можно сказать, из небесного салона красоты, над внешним видом которого потрудились величайшие художники, скульпторы и ювелиры, создавая столь изысканную красоту. Клювик и лапки — редкая отливка из червонного золота, точеная головка и хохолок над нею — что корона из перьев вождя ирокезов, ярко расцвеченная удивительными переливами красок всех тонов.

В каждом крылышке по одному, необычно короткому, полукругло-широкому и яркому красно-оранжевому, ооконтуренному белой и черной каемкой перу-зеркалу.

Смотришь на этого франта, и кажется невероятным сочное сочетание разнообразных красок, воплотившихся в столь маленькой живой картинке, с изяществом фигуры этой сказочной птицы. И голову будоражат мысли: о красоте, которая спасет мир, о добром и вечном вокруг нас, о месте человека и его роли в сохранении первозданной красоты.

Если повезет и две пары таких уточек приводнится у вашей засидки, то вы сможете посмотреть на уникальный брачный спектакль наших красивых ловеласов. Каждый сияющий красками денди вокруг своей утки на глазах у соседней взъерошивается, распускает радужные крылья, ныряет, подлетает, попискивает, скользит кругами по водной глади и бог его знает, что еще вытворяет — настоящий классический балет.

Но стоит селезню почувствовать опасность, и раздается тревожное «кряк!». Остаются на воде только расходящиеся круги. Растворились уточки. Поднырнули под прошлогоднюю траву непричесанных, с осени еще, кочек и пережидают, замерев для порядка, надвинувшуюся беду.

Сидишь очарованный неожиданной сказкой, забываешь о бренности своего бытия и скоротечности жизни...

Такие встречи редко бывают, и, говорят, только на нашем Дальнем Востоке да еще в Японии, а жаль...

